

Яков Пляйс,
доктор исторических наук, профессор
(Финансовая академия при Правительстве РФ)

В последние годы в России, как и во многих странах, заметно обострились споры о судьбах демократии. Связано это с несколькими серьезными причинами.

Применительно к нашей стране они связаны, прежде всего, с определенным ограничением в применении демократических норм, в частности формирования некоторых органов власти, например, губернаторского корпуса.

Что касается остального мира, эти причины выразились в следующем: теракты, произошедшие 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, а затем и в некоторых других странах и последовавшая за ними широкомасштабная кампания борьбы против международного терроризма, побудили многие государства несколько ограничить права и свободы граждан, что нередко трактуется исследователями и политиками как ограничение демократии.

Наконец, определенные успехи тоталитарных и авторитарных режимов (например, Северной Кореи и Ирана) в решении проблем, связанных с собственной обороной и безопасностью, наводят на мысль о том, что в некоторых (особенно жизненно важных) сферах такие режимы могут быть не менее, а то и более успешными, чем демократические.

Обобщая аргументы о высокой актуальности исследования темы демократии, можно констатировать, что причин, побуждающих по-новому рассматривать некоторые ее стороны, вполне достаточно. В частности, таких, которые сопряжены с практикой применения норм и принципов демократии. Однако, кроме мотивов эмпирического происхождения, есть еще целый ряд фундаментальных теоретических причин, связанных, главным образом, с историческим опытом применения норм и принципов демократии и деятельности демократических институтов.

За многие столетия развития демократии она неоднократно меняла формы своего проявления, что не могло не отразиться и на ее содержании. (Достаточно вспомнить о сложном переходе от прямой демократии к представительной, а также о том, к каким последствиям это привело).

Наиболее существенные и важные трансформации демократии произошли в последние два столетия, и это потребовало фундаментальных перемен как в миро-порядке, так и в общественном сознании. Выявление причин этих трансформаций, их последствий не только для тех стран, где они произошли, но и для всего мира весьма важно и для науки, и для практики.

В поисках причин возникающих сложных проблем в России исследователи и практики, как правило, ссылаются на огромные размеры ее территории, тяжелый климат, полигэтничный, многоконфессиональный и мультикультурный состав ее населения. При наших огромных природных и других ресурсах, с избытком компенсирующих географическую, и климатическую специфику, лишь неадекватные экономические и общественные политические решения мешают нам быстро прогрессировать и эффективно разрешать возникающие проблемы.

Особенно быстро трансформация государственных, социальных и иных институтов происходила в последние десятилетия.

По этой причине исследования, связанные с демократией, имеют не только теоретическое, но и практическое значение, в том числе для анализа воздействия мировых демократических волн на общественную и государственную жизнь России.

Следованием глобальных волн демократизации ученые-обществоведы занялись сравнительно недавно. Вполне возможно, что к этому их подвигли труды ученых-экономистов*.

Подходы к проблеме, а также оценки и выводы у различных наук и ученых заметно различаются. Если, на-

пример, С.Хантингтон, автор понятия “волны демократизации”, в самом начале 90-х годов прошлого столетия выделял три длинные волны демократизации и последовавшие за ними волны “отката”, то Ф.Шмиттер определил четыре волны глобальной демократизации. При этом каждый из них исходил

* Следует обратить внимание, например, на некоторые идеи выдающегося российского экономиста ХХ в. Н.Д.Кондратьева (1892–1938 гг.), заложившего вместе с П.А.Сорокиным краеугольные камни постиндустриальной парадигмы обществоведения. В одном из своих методологических докладов – “К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры” (1924 г.), Н.Кондратьев немало внимания уделил, во-первых, соотношению статики и динамики в экономике, и, во-вторых, видам динамических процессов. Последние он разграничивает “на эволюционные (иначе неповторимые, или необратимые) и волнообразные (повторимые, или обратимые)”. “Под эволюционными, или необратимыми процессами, – пишет Н.Кондратьев, – мы понимаем те изменения, которые при отсутствии резких посторонних пертурбационных воздействий протекают в определенном и в одном и том же направлении. Как пример их можно указать на постоянную тенденцию роста населения, увеличение общего объема производства и др. (Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. С. 20).

Под волнообразными (повторимыми, или обратимыми) процессами Н.Кондратьев понимал “те процессы изменений, которые в каждый данный момент имеют свое направление и, следовательно, постоянно меняют его, при которых явление, находясь в данный момент в данном состоянии и затем меняя его, рано или поздно может вновь вернуться к исходному состоянию” (Там же. С. 21).

“Идеи необратимых и обратимых процессов, – полагал Н.Кондратьев, – так же как и идеи статики и динамики, принадлежат, в сущности говоря, естествознанию, в узком смысле слова физике, химии; идеи эти имеют в них очень большое значение”. (Там же. С. 22).

Отвечая далее на вопрос: правомерно ли перенесение этих идей, терминов и понятий в экономику, Н.Кондратьев говорит: “Перенесение той или иной идеи из одной науки в другую не может оспариваться, если оно научно плодотворно. Раз оно плодотворно, значит, оно и правомерно, так как никакого иного критерия для решения этого вопроса нет и быть не может. Факты такого перенесения имеются, и они подтверждают высказанную мысль. И перенесения идей из области общественной жизни и обществоведения в область естественных наук” (Там же. С. 22–23).

из определенных критерииев, и каждую волну отличал от другой по определенным признакам.

Так, С.Хантингтон рассматривал волну демократизации как переход группы стран от недемократических режимов к демократическим.

Этот переход протекает в определенный период времени и по числу стран, охваченных процессом, существенно превосходит число тех стран, в которых в этот же период времени развитие идет в противоположном направлении.

Эта волна характеризуется определенной либерализацией и соответствующей ей демократизацией политических систем. Обратные процессы, или “волны отката от демократизации” – это периоды попятного движения, когда в большой группе стран доминируют недемократические тенденции, характеризующиеся установлением или расширением сферы влияния авторитарных или тоталитарных режимов.

С начала XIX в. и до конца XX в. С.Хантингтон определяет три длинные волны демократизации и столько же волн “отката”.

По его мнению, первая волна демократизации охватывает почти 100-летний период (1828–1926 гг.), а волна отката – 20 лет (1922–1942 гг.).

Вторая волна более скоротечна (1943–1962 гг.), волна отката – 18 лет (1958–1975 гг.).

Третья волна берет свое начало в 1974 г. (демократические преобразования в Португалии, с 1975 г. – в Греции и т.д.)¹.

Хантингтон не только определил периодизацию волн демократизации и волн отката, но и охарактеризовал те процессы (включая причины), которые предшествовали им до и после возникновения².

Для нас особенно важны те выводы, к которым пришел данный исследователь, а именно:

во-первых, вывод о том, что процесс демократизации определяется совокупностью большого числа различных факторов, которые требуют комплексного анализа.

К числу этих факторов, а их более 20, относятся: уровень и характер экономического, социального, культурного и религиозного развития, позиция правящей элиты, международная обстановка и др.;

во-вторых, это вывод о причинах волн “отката”.

Это и слабость демократических ценностей в элитах и обществе; экономический спад и кризисы, ведущие к социальным конфликтам и росту популярности идей авторитарного правления; социальная и экономическая поляризация общества; внешнее влияние и др.

В отличие от Хантингтона Ф.Шмиттер определил четыре волны глобальной демократизации.

Первая, по его мнению, берет начало с революций 1848 г., после которых к 1852 г. многие страны (в частности, Франция) вернулись к авторитарным формам правления.

Вторая – после Первой мировой войны, когда в Восточной и Центральной Европе возникли новые государства, в ряде которых установились демократические формы правления.

Третья волна началась после Второй мировой войны, когда на карте мира появилась большая группа стран, поэтапно освобождавшаяся от колониальной и полу-колониальной зависимости.

Четвертая берет начало с военного переворота 1974 г. в Португалии, приведшего к демократическим преобразованиям.

На мой взгляд, наиболее продуманной и обоснованной является периодизация Ф.Шмиттера, хотя и у С.Хантингтона немало убедительных доводов, особенно в части анализа причин и последствий волн демократизации. Кроме того, логичнее (и это близко к позиции Хантингтона) начинать отсчет

первой волны демократизации с Великой Французской революции.

ак же эти волны демократизации отразились на России?

По Хантингтону, первая волна демократизации, берущая начало в 1828 г., уходит своими корнями в Войну за независимость в Северной Америке и Великую Французскую революцию.

Наибольшее влияние на ход мирового развития оказала Великая Французская революция (1789–1799 гг.).

Ее главные итоги были следующие:

1. Революция породила современную частную форму собственности.

2. Принятая Конвентом новая Декларация прав человека и гражданина объявляла правами человека свободу, равенство, безопасность и собственность. Все это способствовало расширению гражданских прав во всех европейских странах, введению конституций там, где их еще не было.

3. Революция проходила под эгидой представительных выборных органов: Национальное учредительное собрание (1789–1791 гг.), Законодательное собрание (1791–1792 гг.), Конвент (1792–1794 гг.). Это способствовало развитию и укреплению парламентской демократии, несмотря на последующие откаты.

4. Революция породила парламентскую республику.

5. Новое государство, родившееся в результате революции, получило возможность более активно вмешиваться в жизнь граждан для обеспечения равенства возможностей, стабильности и социального порядка. Социально значимые области перешли под контроль государства: университеты и высшее образование, финансы и т.д. Государство выступало теперь гарантом равных прав для всех граждан³.

Французская революция имела в России, как и в других странах, много сторонников. Современники отмечали, что почти всеобщим стало осуждение самодержавной власти. В Россию проникало множество французских изданий.

Поверенный в делах Франции в Петербурге Э.Жене сообщал в Париж, что сведения о французской революции свободно печатаются в русских газетах, включая правительственные "Санкт-Петербургские ведомости". В 1789 г. в газетах был опубликован русский перевод "Декларации прав человека и гражданина".

В 1791 г. Учредительное собрание во Франции закончило работу над конституцией, в соответствии с которой страна провозглашалась конституционной монархией. Высшая исполнительная власть сосредоточивалась в руках короля, а высшая законодательная переходила к законодательному собранию. Право участия в выборах получили так называемые "активные граждане", составлявшие около 20% населения.

о всем этим нововведениям в России отнеслись с интересом.

Однако отношение российских властей к событиям во Франции резко изменилось в 1792 г. после свержения и казни короля Людовика XVI. Отрицательную реакцию вызвало и провозглашение Франции республикой по конституции 1793 г. С этого момента горячее одобрение французских событий 1789–1792 гг. сменилось неприятием крайностей якобинского террора. Екатерина II стала даже прилагать усилия, чтобы собрать в Европе силы для разгрома республиканцев и восстановления во Франции королевской власти. Кроме того, она субсидировала французскую эмиграцию для организации военных действий, а за два месяца до своей кончины решила послать против республиканской Франции 60-тысячный русский корпус под командованием А.В.Суворова.

Преемник Екатерины II Павел I был напуган французской революцией еще больше своей матери. Отменив многие ее либеральные нововведения, начиная с Жалованых грамот дворян-

ству и городам, он запретил выписывать иностранные газеты, выезжать за границу, ввел новые телесные наказания для дворян и духовенства. За протесты против деспотизма, или, иными словами, по политическим мотивам, было репрессировано или попало в опалу 12 тыс. чиновников и военных.

Ситуация вновь изменилась при Александре I, что не удивительно. По давней российской традиции, при новом правителе мятник обычно уходит в обратную сторону и последовательность развития событий нарушается. К слову сказать, это правило стало не только нашей драмой, но и трагедией, которая давно и основательно тормозит развитие страны.

Что же сделал Александр I?

Он отменил ограничения, введенные Павлом I, открыл 5 университетов, в том числе Петербургский, а также Московское коммерческое училище. Особенно важным было то, что в учебные заведения стали принимать представителей всех сословий и то, что на низших ступенях обучение было бесплатным и оплачивалось из госбюджета. Но этим дело не ограничилось.

Большой проект либеральных реформ в области государственного устройства, подготовленный по указанию царя его ближайшим советником М.М.Сперанским в 1809 г., получил название “Введение к Уложению государственных законов”.

Этот документ предполагал:

1. Ввести в Закон понятия политических и гражданских прав, но не для всех. (В то время и на Западе до всеобщих гражданских прав было далеко, а в США существовало рабство). В случае их введения возможность влиять на власть получили бы не только высшие, но и средние слои населения.

2. Обеспечить разделение властей и привлечение общества, обладающего гражданскими правами, к управлению.

По проекту, судебная власть должна была стать полностью независимой и подчиняться Сенату.

Законодательная власть должна была быть представлена местными думами и Центральной Государственной Думой, а исполнительная власть, состоящая из министров в центре и местных органов власти, должна подчиняться законодательной. Средоточием всех властей предстояло быть императору.

3. Провозглашалось правовое государство.

4. Предполагалось ввести выборность чиновников, а, следовательно, их ответственность перед обществом.

Предлагая свой план преобразований, Сперанский подробно обосновал его необходимость потребностями времени.

Во второй части проекта он писал: “Время является первоосновой и источником всех политических нововведений. Ни одно правление, находящееся не в гармонии с духом времени, не может противостоять модному воздействию этого духа”.

“Новый дух времени”, по мнению Сперанского, овладел и Россией, которая стоит на пороге серьезных социальных потрясений и положение ее сходно с тем, в каком находилась Франция перед революцией 1789 г. Показателем этого служит потеря в народе уважения к чинам, орденам и прочим отличиям лиц, наделенных ими. То же самое наблюдалось “и во всех государствах в той эпохе, когда федеральная система приближалась к своему падению”. Еще одним симптомом служит “моральное ослабление” власти – падение ее авторитета в глазах народа.

Причину этого надо искать не в действиях конкретных государственных чиновников, а в том, что “образ мыслей настоящего времени в современной противоположности с образом правления”.

Отсюда Сперанский делал вывод: “Настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа”⁴.

По плану Сперанского 1 января 1810 г. был обнародован манифест об учреждении Государственного совета, который за-

менил собой Непременный совет, и в тот же день состоялось его открытие.

Госсовет подразделялся на 4 департамента: законов, военного, гражданских и духовных дел, государственной экономии. Первоначально в составе Госсовета было 35 членов (позже их число удвоилось): все министры, а также лица из высших сановников, назначаемых императором. Председателем Совета был один из его членов, назначаемый на эту должность царем. Если царь присутствовал на заседании Совета, он занимал место его председателя.

Организацией деятельности Госсовета занималась Государственная канцелярия во главе с госсекретарем, которым был назначен Сперанский.

Законопроекты первоначально направлялись в государственную канцелярию, начальником которой также был Сперанский. В канцелярии законопроекты "редактировались" и формулировались, и это давало ей и ее начальнику особую власть и влияние.

Госсовет был частью общего плана, изложенного Сперанским в конце 1809 г. в особой записке "О необходимости учреждения Государственного совета". В ней реформатор подверг резкой критике систему законодательства, существовавшую в России.

"Законы, — писал он в ней, — одобряются по одному личному доверию, сообщаюмы в тайне и издаются безо всякого публичного и постоянного их уважения. Отсюда происходит та великая и горестная удобность, с коею законы наши всегда были переменяемы. Если одно лицо и часто действующее в тайне могло предложить закон и частным соображением ввести его в силу, то другое лицо, пользуясь, в свою очередь, той же степенью доверия, могло отменить его и ввести другое учреждение. Отсюда происходит то всеобщее убеждение, на самом опыте основанное, что нет в России закона настоящего и что можно переменить (его) по личным случаям и удобностям"⁵.

Несмотря на своевременность проекта реформ Сперанского, весьма благосклонное к ним отношение царя, мало какие из них были реализованы.

Ни в то время, ни в последующие периоды. Столь сильно было сопротивление консерваторов и ретроградов. Тем не менее, начало некоторым либеральным процессам было все же положено. Главным было то, что в России начала организационно оформляться исполнительная власть европейского образца.

В частности, в 1802 г. был создан Комитет министров как высшее административное учреждение. В него входили министры, другие руководители в системе управления империей. Петровские коллегии были заменены министерствами.

Государственный совет просуществовал до 1906 г., когда с появлением Государственной думы он был преобразован в "верхнюю законодательную палату".

За учреждением Госсовета последовало завершение министерской реформы в 1810–1811 гг., также инициированной Сперанским.

Можно было бы долго цитировать труды М.М.Сперанского, подтверждающие вывод об отсталости политического строя России начала XIX в. и необходимости его радикального обновления.

В начале же XIX в., как уже отмечалось выше, немногое было реализовано. И это несмотря на то, что Александр I практически во всем поддерживал своего любимца, а также на то, что на европейской арене он выступал сторонником конституционного строя. Вместе с союзниками по Священному союзу он особенно активно настаивал на том, чтобы возвратившиеся к власти во Франции Бурбоны обнародовали конституцию. Это было осуществлено, и Хартия 1914 г. провозглашала во Франции конституционную монархию.

Под влиянием европейских событий либеральные настроения Александра I пережили еще один заметный всплеск. Когда в 1815 г. по решению Венского

конгресса в состав России было включено герцогство Варшавское, встал вопрос о его политическом устройстве. Учитывая, что конституция, предусматривавшая представительную демократию и разделение властей, существовала в Польше несколько столетий до ее раздела в последней четверти XVIII в., ничего не оставалось, как восстановить ее.

Принимая корону царя (короля) Польского, Александр I объявил также о том, что дарует Польше конституцию, по которой законодательными правами обладал парламент, а исполнительная власть возглавлялась королем в лице наместника российского императора.

Александр I объявил и о том, что постепенно конституционные основы утверждаются по всей Российской империи.

Министру юстиции Н.Н.Новосильцеву было поручено разработать основы российской конституции. Государственная Уставная грамота для всей страны, подготовленная им тайно, была основана на принципах польской конституции.

Однако все это осталось на бумаге. И не только из-за изменений в настроениях Александра I, но и в связи с отсутствием широкой общественной поддержки реформ и, прежде всего, среди правящих верхов.

началу 20-х годов XIX в. эра проповеди священного правления стала достоянием истории, наступила эпоха консерватизма и политических заморозков. К концу правления Александра I (1825 г.) это стало особенно очевидно. Однако бесследно ничего не прошло. Ни реформаторская деятельность царя и его фаворита М.М.Сперанского, ни зарубежные походы русской армии. Общество оказалось разбуженным. В первую очередь та его часть, которая была к этому наиболее предрасположена и в определенной мере даже подготовлена.

Речь идет главным образом о демократах и студенческих кружках Московского университета, из которых к концу 30-х годов XIX в. выросло либеральное направление, принявшее форму идейных течений западничества и славянофильства.

Западники – преимущественно историки и литераторы (И.С.Тургенев, Т.Н.Грановский, С.М.Соловьев, К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин, М.Н.Катков) – выступали, как хорошо известно, за европейский путь развития и мирный переход к парламентскому строю.

Славянофилы, представленные в основном мыслителями и публицистами (А.С.Хомяков, И.В. и П.В.Киреевские, И.С. и К.С.Аксаковы, Н.Я.Данилевский) идеализировали допетровскую Русь и настаивали на ее самобытности. Ее они видели в крестьянской общине, чуждой социальной вражды. В православии же эти черты, по мысли славянофилов, должны были обеспечить мирный путь общественных преобразований в России, которой следовало вернуться к Земским соборам, но без крепостного права.

Наряду со сторонниками мирных преобразований в России развивалось и революционное направление. Оно сформировалось вокруг журналов "Современник" и "Отечественные записки", которыми руководил В.Г.Белинский при участии А.И.Герцена и Н.А.Некрасова. Сторонники этого направления также считали, что Россия пойдет по европейскому пути развития, но, в отличие от либералов, полагали, что революция неизбежна.

Сторонником революции (до середины 50-х годов), как средства отмены крепостного права, был и А.И.Герцен.

Отойдя в конце 40-х годов от западничества, он пришел к идее "русского социализма", который основывался на свободном развитии русской общины и артели в соединении с идеями русского социализма и предполагал самоуправление в общегосударственном масштабе и общенациональную собственность на землю.

Наибольший интерес с точки зрения воздействия идей французской революции и первой волны демократизации на Россию имеет история декабристского движения.

Стоит отметить, что северяне предлагали в целом умеренный, реформистский вариант преобразования России, а другие – южане – более радикальный, революционный, республиканский. Однако и те, и другие считали, что нельзя игнорировать особенности России. Отсюда содержавшаяся в проектах великоодержавность, централизм, уравнительность. В целом же декабризм отражал общественные идеалы небольшой европейски ориентированной части общества.

Восстание декабристов (14 декабря 1825 г.) дало толчок дифференциации общественно-политических интересов. В России, как это произошло на Западе (например, во Франции, например), в общественных настроениях начался откат и формирование консервативно-охранительного направления. Его цель состояла в том, чтобы не допустить дальнейших изменений западного типа, сохранить самобытность, а значит, и крепостное право помещиков, общину, утверждать православие и т.д.

Среди высшей госбюрократии преобладали, разумеется, консерваторы.

И один из них – управляющий III отделением его императорского величества при Николае I Л.В.Дубельт, которого А.И.Герцен считал "умнее всех трех отделений вместе взятых", говорил следующее: "Наш народ оттого умен, что тих, а тих оттого, что несвободен... Не троньте этот народ, оставьте его в патриархальной пустоте и во всем природном его величии".

Обличая мертвый Запад, Л.В.Дупельт писал: "Не заражайтесь бессмыслием Запада – это гадкая помойная яма, от которой, кроме смрада, ничего не услышите. Не верьте мудрствованиям: они ни вас и никого другого к добру не приведут"³.

Идеология консервативно-охранительных сил нашла свое обоснование в теории "официальной народности", автором которой был министр просвещения граф С.С.Уваров.

В этой теории, ставшей знаменитой, отражены все три главные опоры самобытности России: православие, самодержавие, народность.

Находясь на посту министра просвещения 15 лет, европейски образованный граф Уваров постоянно доказывал Николаю I, что просвещение само по себе не есть зло, что все зависит от его содержания.

В отличие от Запада, где, как считал Уваров, просвещение стало источником зла в виде революционных потрясений, в России оно может выполнять охранительную функцию, если оно будет построено на пропаганде исконно российских ценностей, какими являются православие, самодержавие, народность.

Несмотря на усилия консерваторов-“охранителей”, в России стало оформляться и либеральное направление, ориентированное на опыт и ценности Запада. Это направление выступало за правовое государство и гражданские права для всех; конституцию, основанную на разделении властей и контроле общества за властью; конституционную монархию как форму государственного устройства; мирные средства, то есть реформы для достижения поставленных целей.

В первой половине XIX в. в России проявилось и начало развиваться еще одно общественное течение – радикальное или революционное.

Оно было представлено А.И.Герценом, Н.П.Огаревым, М.А.Бакуниным, Н.Г.Чернышевским.

Их идеальные позиции полностью оформленлись позднее, но уже в то время они выступали против царского деспотизма, крепостного права, унижения и нищеты большинства народа, не останавливаясь перед революционными методами.

Таким образом, если попытаться обобщить воздействие на Россию первой волны демократизации, сформировавшейся на Западе в начале XIX в., то надо будет отметить следующее.

1. Воздействие было несомненным и разноплановым, идейным и политическим.

2. По многим причинам, имевшим главным образом объективные основания, воздействие было не столь фундаментальным с точки зрения долговременных результатов. Несмотря на то, что оно было преимущественно поверхностным (из-за состояния общества и уровня достигнутого развития), заметный толчок к переменам был все же дан, и последствия его продолжали сказываться, постоянно развиваясь, во второй половине XIX в., то есть уже после второй волны демократизации в Европе. Именно в этот период времени и особенно в эпоху великих реформ Александра II в России были сделаны наиболее решительные шаги в направлении к европейскому пути развития.

Для этого было немало внутренних причин, но важную роль сыграли и внешние события.

В особенности буржуазные революции в Европе 1847–1849 гг., а также отмена рабства в США после гражданской войны 1861–1865 гг., результатом которой была не только отмена рабства, но и принятие 14-й поправки к Конституции США о предоставлении неграм гражданских прав. При этом, Россия ясно продемонстрировала свою поддержку Северу, а не рабовладельческому Югу.

Несмотря на значимость американских событий, наиболее важные перемены, вызвавшие вторую волну демократизации в Европе, связанны с буржуазными революциями, охватившими почти все основные ее страны. Эти революции были вызваны, с одной стороны, сдвигами, которые происходили в экономике и, соответственно, в классовой структуре населения (рост численности пролетариата, вызванный переходом от мануфактурного производства к машинному, фабричному) а, с другой – циклическим экономическим кризисом, разразившимся в нескольких странах в 1847 г., и сельскохозяйственными бедствиями 1845–1847 гг. (картофельная болезнь, неурожай зерна и других полевых культур). Росту революционных волнений способствовало продолжавшееся господство феодально-абсолютистских порядков, социальное и национальное угнетение.

Поэтому переплетение социально-экономических, политических и национально-освободительных лозунгов и требований в период европейских революций середины XIX в. было вполне закономерно. И если угнетенные социальные слои, прежде всего, народные низы (рабочие, крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники и др.) вместе с буржуазией выступали против феодализма и абсолютизма, то порабощенные народы боролись за свое национальное освобождение.

etonатором революционных потрясений в Европе в середине XIX в. послужили события во Франции, произошедшие между 1830 и 1848 годами.

Результатом Июльской революции 1830 г. было, как известно, установление Июльской монархии (1830–1848 гг.).

Слабость республиканской партии стала причиной захвата власти финансовыми кругами (точнее говоря, финансовой аристократией), она же помешала углублению революции и установлению Республики.

4 августа 1848 г. была принята новая Хартия, более либеральная, чем Хартия 1814 г. Она расширила права палаты де-

путатов, отменила наследственность звания пэров, несколько снизила имущественный ценз для избирателей, что увеличило их число почти в 2 раза – со 100 тыс. до 240 тыс.

Хартия ограничила также права католического духовенства, запретив ему владеть земельной собственностью.

Цензура временно отменялась, вводилось местное и областное самоуправление, восстанавливавшееся Национальная гвардия (и то, и другое на основе имущественного ценза).

Но Хартия оставила нетронутыми бюрократический и полицейский аппарат, а также суровые антирабочие законы.

Передовая европейская общественность горячо поддержала революцию во Франции, обоснованно оценивая ее как удар по реакционной системе Священного союза. Эта революция не только ускорила развитие общественной мысли во многих странах Европы, но и способствовала подъему революционного и национально-освободительного движений в Бельгии, Германии, Италии, Польше и в других странах. В этой ситуации планы Николая I, готовившего совместно с Пруссией и Австрией военную интервенцию против Франции для восстановления старой династии и власти дворянства, оказались неосуществимыми.

Важно также то, что все это происходило в обстановке быстрого развития капитализма.

Внедрение машин в производство охватило все основные отрасли экономики. За 50–60-е годы на основе широкого применения техники производство выросло в 3 раза.

В 1866 г. в стране начался новый экономический кризис, сопровождавшийся обострением внутриполитической ситуации и усилением рабочего и демократического движения. Не только передовые круги интеллигенции, но и широкие слои мелкой и средней буржуазии, и даже часть крупной буржуазии не скрывали свое недовольство бонапартистским режимом.

В мае 1870 г. был проведен очередной плебисцит. Несмотря на надзор полиции, треть французов проголосовала против правительства.

Начавшаяся 4 августа 1870 г. война с Германией, развивавшаяся неудачно для Франции, еще более обострила положение в стране и особенно в Париже.

Поражение французской армии под Седаном 1 сентября настолько взволновало парижан, что 4 сентября они вышли на улицы столицы и потребовали провозглашения Франции республикой. Фактически под их давлением была объявлена республика и образовано Временное правительство, названное "правительством национальной обороны".

Монархия была низложена. 12 февраля 1871 г. Национальное собрание окончательно лишило трона Наполеона III, но преобладавшие в нем монархисты не стремились узаконить во Франции республику.

Выход из тяжелого положения виделся многим в создании Коммуны.

Воспоминания о Коммуне Парижа 1792–1793 гг. соединялись с идеями прудонистов о создании самоуправляющихся коммун и их федерации и т.п.

Лозунг Парижской коммуны в сочетании с лозунгами демократической и социальной республики был очень популярным. В нем воплотилось стремление к демократии, социальным переменам, уничтожению эксплуатации человека человеком, братству народов и убежденность в том, что именно Франция и Париж должны проложить путь к светлому будущему всего человечества.

Не только во Франции, но в других странах Европы также происходили важные демократические перемены.

Например, в ходе парламентской реформы в Англии почти в два раза расширилось число избирателей, имеющих право голоса при выборах в парламент, введено тайное голосование при выборах в парламент, легализованы профсоюзы.

В 1871 г. была принята Конституция в Германской империи.

Активное партийное строительство, развернувшееся во многих странах Европы (особенно в тех, где прошли буржуазные революции), привело к формированию партийно-политических систем.

еволюционные события в Европе середины XIX в. не могли не отразиться на развитии ситуации в российском обществе и государстве.

Воздействие этих событий еще более усилилось после поражения России в Крымской войне, которая, как всякая проигранная война, резко обострила и углубила нараставший в стране кризис.

Правительство Александра II хорошо понимало, что глубокие всесторонние реформы неизбежны. Показательно, что политico-административные реформы впервые в России, начиная с древних времен, были направлены не на централизацию власти, а, наоборот, на некоторую ее децентрализацию.

Речь идет о том, что по “Положению о губернских и уездных учреждениях”, подписанному Александром II 11 января 1864 г., земские учреждения создавались на двух уровнях – губернском и уездном и состояли из распорядительных и исполнительных органов. При этом первые были представлены уездными и губернскими собраниями, а вторые – управами.

Члены земских собраний – гласные – избирались на съездах по куриям: землевладельцев, городских избирателей и выборных от крестьян.

В первых двух куриях выборы были прямыми и проводились на основании имущественного ценза.

В третьей – многостепенными и включали крестьян и землевладельцев, не входивших в первую курию по имущественному цензу.

Полем деятельности были хозяйственные и социальные вопросы местного значения – дороги, торговля, школы, больницы, богадельни, приюты, страховая служба, продовольственное дело, статистика.

Однако положение о земствах распространялось не на всю страну, а лишь на 34 губернии из 78.

В Сибири, Архангельской, Астраханской и Оренбургской губерниях, где не было дворянского землевладения, земства не создавались.

На национальных окраинах империи – в Литве, Польше, на Кавказе и в Средней Азии – вместо земств продолжали действовать национальные органы самоуправления.

16 июня 1870 г. земская реформа была дополнена “Городовым положением”, в соответствии с которым в городах стали создаваться органы самоуправления, подобные земствам.

По этому закону в 509 городах России вводились новые, бессословные органы городского самоуправления – городские думы, избираемые на 4 года, которые избирали на тот же срок постоянно действующие исполнительные органы – городские управы в составе городского головы, его “товарища” (заместителя) и нескольких членов. Голова являлся одновременно председателем думы и управы.

Избирательным правом в органы городского самоуправления пользовались мужчины с 25-ти лет – плательщики городских налогов, обладавшие имущественным цензом.

Как и в случае с земствами городские избиратели делились на три “класса” (курии) в зависимости от размеров уплачиваемых в городскую казну сборов.

Компетенции городского самоуправления, как и земского, были ограничены рамками хозяйственных вопросов.

С течением времени, начиная с 1874 г., городское самоуправление было введено также в городах Закавказья, в 1875 г. – Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, в 1877 г. – в Прибалтике.

Но оно не распространялось на города Средней Азии, Польши и Финляндии, где действовало прежнее городское управление.

Несмотря на ограниченность реформы городского самоуправления, она была крупным шагом вперед, заменившим прежние сословно-бюрократические органы управления городом новыми, основанными на буржуазном принципе выборов на основе имущественного ценза.

ожно ли считать, что реформы местного управления, проведенные в России в 60–70-е годы XIX в., были шагом в сторону демократизации общественной и государственной жизни и приливной волной в глобальном процессе демократизации?

На мой взгляд, для этого есть все основания. Главное состоит в том, что при всей ограниченности реформы власть стала хоть не намного, но ближе к народу, к его интересам и проблемам.

Достаточно в связи с этим вспомнить о позитивной роли земских школ и больниц в общественной жизни России во все последующие десятилетия.

Но было ли здесь влияние западных революционных событий?

Полагаю, что да.

Российская правящая элита, конечно, опасалась, что нечто подобное европейским революциям может повториться и в России.

Александр II, говоря о своем нежелании сейчас "дать свободу крестьянам", заявил о необходимости приступить к подготовке их освобождения ввиду опасности дальнейшего сохранения крепостного права, указывая, что "лучше отменить крепостное право сверху, чем ждать, когда оно будет отменено снизу"⁶.

И если бы Александр III довел дело до принятия конституции и ограничения монархии, как это происходило примерно в это же время в Европе,

дело в России, скорее всего, не дошло бы до буржуазно-демократической, а потом и социалистической революции.

Обнародовав 29 апреля 1881 г. манифест "О незыблемости самодержавия", Александр III начал проводить политику обострения противоречий между экономической сферой и политической.

Суть его состояла, с одной стороны, в том, что экономическая сфера продолжала развиваться в либеральном духе, активно формируя новый буржуазный класс, объективно нуждавшийся в своей доле политической власти, а с другой – политическая сфера (система самодержавной власти) не давала новому классу реализовать растущие политические амбиции.

Главное состоит именно в том, как строятся взаимоотношения правящего класса и подчиняющейся ему политической системы с экономической сферой и теми элитами, которые в ней господствуют. То взаимодействие, которое складывалось и развивалось благодаря реформам Александра II, при новом царе стало постепенно разрушаться.

Социально-политические противоречия обострились к началу XX в. до такой степени, что их разрешение стало возможным только через революцию.

Революция 1905–1907 гг. обнажила созревшие противоречия и вынудила Николая II пойти на серьезные уступки.

Они выражались в царском Манифесте от 17 октября 1905 г. о даровании "nezыблемых основ гражданской свободы" неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов, о представлении новой Государственной думе законодательных прав.

Без одобрения Думой никакой закон не мог получить силы.

Содержание Манифеста 17 октября 1905 г. и акта "Основные государственные законы", изданного 23 апреля 1906 г. в развитие его положений, всегда, начиная с момента их появления, интерпретировалось двояко.

Одни доказывали, что это были шаги в направлении конституционной монархии, другие, напротив, считали, что в России ничего не изменилось, и она осталась абсолютной монархией.

Формально царь не мог издавать законы без одобрения их Думой, однако ст. 87 "Основных Государственных законов" позволяла ему издавать между сессиями Думы любые указы и манифести, имевшие силу закона.

При всей декларативности гражданских свобод и тех ограничениях, которые накладывались на полномочия Думы и через систему выборов на ее социальный состав, политическая система и, соответственно, политическая жизнь России до осени 1905 г. и после нее – это в целом разные явления.

После Манифеста 17 октября в России стали легально действовать более 100 политических партий самой разной ориентации, в том числе открыто оппозиционные.

Наиболее крупные из них (около 10 представляли 3 группы:

- революционно-демократические (социал-демократические и неонароднические);
- либерально-оппозиционные (в основном партии русской и национальной либеральной буржуазии, а также либеральной интеллигенции);
- консервативно-охранительные (правые буржуазно-помещичьи и клерикально-монархические, черносотенные).

Часть из образовавшихся или легализовавшихся партий своими корнями уходила в те течения, организации и кружки, которые образовались в XIX в., особенно во второй его половине.

Кроме политических партий, создавались общественные организации: профсоюзы, кассы взаимопомощи и пр.

О есть ли основания считать эти перемены волной демократизации и если есть, то взаимосвязана ли эта волна с подобной европейской?

Такие основания есть, и сходство также есть.

Говоря об основаниях, необходимо отметить, в первую очередь, что при всех ограничениях и цензах, которые имелись при выборах в Госдуму и земства (последние, кстати говоря, в годы столыпинских реформ были распространены на всю Россию), это были все же демократические институты власти.

Новая волна демократизации, начавшаяся в октябре 1905 г., была догоняющей, второй волной после политических заморозков Александра III. И хотя она была сильнее первой волны, инициированной реформами местного управления Александра II, она, тем не менее, оказалась более слабой по сравнению с европейской.

По этой причине и результаты ее были намного скромнее.

Именно поэтому демократические преобразования оказались недостаточными, для того чтобы удержать Россию осенью 1917 г. в русле того общедемократического процесса, который был характерен для Европы второй половины XIX в.

Если же говорить о сходствах между тем, что происходило в начале ХХ в. в России, и теми социально-демократическими процессами, которые активно развивались в Европе, начиная со середины XIX в., то необходимо, прежде всего, выделить следующее:

во-первых, развитие гражданского общества и основной его части – партийного строительства;

во-вторых, – становление многопартийного парламентаризма.

Однако, несмотря на то, что и в Европе, и в России процессы развивались в одном и том же направлении, их сила и, соответственно, результативность были несопоставимыми.

Именно поэтому стал возможен октябрьский (1917 г.) переворот, вошедший в историю как Великая Октябрь-

ская социалистическая революция. С точки зрения логики и магистрального русла исторического развития, это был аномальный процесс.

С точки зрения развития демократии в ее общепринятом смысле и волн демократизации это был неоднозначный процесс.

На мой взгляд, это была не столько боковая линия глобального процесса демократизации, сколько параллельная. Параллельная потому, что революция привела в движение все слои населения, а власть Советов, пришедшая на смену власти Временного правительства, воспринималась многими как истинно народная власть. Однако подлинного народовластия все же не получилось. Вместо него утвердилась власть большевистской партии, продолжавшаяся до 1991 г.

Однако это все же отдельная ветвь развития, которая оказала значительное воздействие на мир, не закончившееся, как это ни удивительно, до сих пор. Достаточно взглянуть на то, что происходит сегодня в некоторых странах Латинской Америки (Венесуэла, Никарагуа), чтобы в этом убедиться.

Возврат нашей страны на общедемократическую дорогу развития человечества состоялся лишь в конце 80-х – начале 90-х годов ХХ в. Этот возврат затронул не только СССР и Россию, но и другие страны социализма.

Но реакция ли это на ту волну глобальной демократизации, которая прокатилась по земному шару после Второй мировой войны и охватила главным образом колониальный и полуколониальный мир?

В определенной мере да.

Проведенный анализ воздействия глобальных демократических волн на Россию позволяет сделать некоторые выводы.

1. Каждая глобальная волна демократизации была, *с одной стороны*, результатом нового состояния общества и следствием борьбы народов за свои интересы, а *с другой* – она вела к развитию гражданского общества, росту числа партий и об-

Хо одновременно это еще и результат тех сложных внутренних процессов, которые развивались в этих странах. Самое главное состоит, однако, в том, что западные демократии, основанные на плюрализме, оказались более конкурентоспособными, чем советский тип демократии, базировавшийся на монопольной власти одной партии.

Возвращение России на общемировую дорогу демократии было и остается по сей день непростым.

За 20 последних лет страна видела не только приливную волну демократии (1987–2000 гг.), но и отливную.

Видя опасности широкого демократического половодья, грозившего перерости в анархию и до конца разрушить сильно ослабевшее государство, половодья, больше похожего не на демократическую свободу, а на казачью вольницу, власти во главе с президентом В.В.Путинным решили отступить и ограничить демократические свободы, чтобы консолидировать государство и общество.

И в стране, и в мире (особенно на Западе) эти действия были восприняты неоднозначно, нередко весьма негативно.

Если отталкиваться от общих результатов предпринятых в 90-х годах действий (особенно тех негативных явлений, которые нередко стали доминировать), то надо признать, что определенные ограничения демократии были оправданными.

Если же оценивать эти ограничения мерками большой исторической дистанции, сравнивая европейский путь и наш, то оценка будет, конечно, иной, а именно – негативной.

Окончательный ответ на этот вопрос может дать только время.

щественных движений, что, в свою очередь, вело к новым демократическим приливам, открывало перед страной новые горизонты прогресса. Приливы наталкивались на сопротивление консервативных сил, прежних устоев, которое, как правило, приводило к откатам.

2. Чем ближе к нашему времени, тем мощнее и масштабнее становятся волны демократизации, тем глубже и фундаментальнее их воздействие на мир. Россия, как представляется, также не стоит в стороне от воздействия этих процессов.

3. В демократическом развитии Россия всегда отставала от авангардных стран, что явилось следствием недостаточного общего развития ее социума и государства. Тем не менее, для нее также были характерны и демократические приливы, и отливы. Но сила их была слабее и результаты скромнее, чем в Европе.

4. В результате отставания, особенно в XX в., основную часть которого страна шла оригинальным путем советского народовластия, опыт демократии (в общепринятом смысле) накапливался с трудом.

В начале 90-х годов страна столкнулась с безудержной вольницей, при которой демократические институты зачастую не только не выполняли своих функций, а, напротив, дискредитировали саму суть своего предназначения.

Очень быстро вольница стала угрожать не только самой демократии, но и самому существованию государства. Чтобы остановить негативное развитие событий, руководство страны пошло на определенные ограничения демократических норм.

5. Между глубинными экономическими и политическими процессами существует прямая связь.

Формирующиеся в экономической сфере новые группы собственников объективно нуждаются в своей доле политической власти.

Стремясь реализовать свои амбиции, новый класс апеллирует к народу, избирателям, к демократии. Однако демократия воспринимается новым классом не более чем средство для достижения власти.

Народ же, веря какое-то время в обещания нового класса, также стремится стать субъектом политической жизни. Но без экономического благополучия реализовать народный идеал невозможно. Бедный народ либо индифферентен к политической жизни, либо – не более чем средство в руках властной элиты, которым легко манипулируют для достижения собственных целей.

6. Общий алгоритм поведения властей должен напрямую зависеть от состояния общества, уровня его развития, общественного сознания, политической культуры.

Чем выше этот уровень, тем больше свободы должно быть у народа, тем больше у него должно быть возможностей самостоятельно решать свои проблемы. Прежде всего, проблемы, связанные с формированием власти через систему выборов.

7. Нынешнему поколению российских политиков необходимо положить конец пагубной для страны традиции полного и почти полного отрицания и отказа от опыта своих предшественников.

Исторические зигзаги, больше похожие на шараханья и метания, легко превращающиеся в революции – полномасштабные или лояльные, – давно стали национальным бедствием.

Сказанное не означает, разумеется, что новые поколения политиков не имеют права заниматься коррекцией политического курса и исправлением возможных ошибок тех, кто правил до них.

Чтобы заложить новую устойчивую традицию последовательного, эволюционного развития необходимо научиться строить эффективную пирамиду власти снизу вверх. Кроме всего прочего, это поможет устраниТЬ ту огромную и крайне опасную для всех пропасть между властью и обществом, являющуюся еще одной печальной традицией России. Для преодоления этой опасности история не придумала для этого другого инструмента, кроме демократии.

Примечания

- ¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX в. / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003.
- ² Ирихин Ю.В. Политология. Учебник. М.: Изд-во "Экзамен". 2006. С. 307–308.
- ³ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. 2-е изд., испр. и дополн. Брянск: "Курсив", 1996. С. 195–196, 208.
- ⁴ Чибиряев С.А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М.Сперанского. М.: "Воскресенье", 1993; Федоров В.А. Сперанский и А.А.Аракчеев. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, Изд-во "Высшая школа", Изд-во "ЧеРО", 1997.
- ⁵ Цит. по: Федоров В.А. Сперанский и А.А.Аракчеев... С. 68.
- ⁶ История России XIX – начала XX в. Учебник / В.А.Георгиев, Н.Д. Ерофеев и др. / Отв.ред. В.А.Федоров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, изд. "Проспект", 2006. С. 171.

Подписка на 2007 г.

**на журнал
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
— на 6 месяцев**